

ГРОМ С НЕБА

Э. МИСАКЯН

Эдуард Мисакян

Гром с неба (7-8 часть)

«Автор»

2026

Мисакян Э. С.

Гром с неба (7-8 часть) / Э. С. Мисакян — «Автор», 2026

В седьмой и восьмой частях происходит решающий перелом в противостоянии пришедшей технологической группы и средневековой Руси. Пятеро княжеских воинов — Ратибор, Любим, Горазд, Величко и Добрыня — становятся свидетелями показательного боя, в котором отряд Корнеева уничтожает триста монгольских всадников с помощью современного оружия. Вернувшись в Козельск, они приносят князю весть о неведомой силе, перед которой бессильны сабли и кольчуги. Страх и восхищение заставляют князя искать не войны, а союза. Любим остаётся в форте учеником, а к землям княжества приближается тридцатитысячное монгольское войско. Ночная операция с миномётами, вертолётами, дронами и авиацией превращает степь в побоище; хана берут в плен, но отпускают как живого свидетеля, чтобы слух о «богах грома» остановил новых завоевателей. Финал — визит князя в форт, полёт на вертолёте, договор о мире и дань, а также выбор Любима остаться в новой, страшной и могущественной жизни.

© Мисакян Э. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2. Показательный бой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эдуард Мисакян

Гром с неба (7-8 часть)

Глава

Часть 7.

Глава 1. Пятеро

Их звали по-разному. Старший — Ратибор, воин с изрубленным лицом и спокойными глазами человека, который видел слишком много, чтобы чему-то удивляться. Молодой — Любим, безусый, с горящими глазами, который ещё верил в сказки. Остальные трое — Горазд, Величко и Добрыня — молчаливые, крепкие, как дубовые стволы. Княжеские люди. Лучшие.

Корнеев посмотрел на них, когда они прибыли в форт: пятеро всадников в кольчугах. Мечи, луки, глаза — настороженные.

— Значит, вы хотите увидеть, как мы воюем — сказал он.

Ратибор кивнул.

— Князь послал. Сказал: смотреть, слушать, запоминать.

— Хорошо. — Корнеев повернулся к Сергееву. — Покажи им форт. Всё. Не скрывай ничего. Пусть увидят.

Капитан повёл их на территорию. Они шли молча, но глаза их становились всё шире: дроны, бронетранспортёры, пулемёты, МиГи, стоявшие на полосе, как прикованные к земле хищные птицы.

Любим остановился перед вертолётom, долго смотрел, потом перекрестился.

— Это... птица?

— Это машина — сказал Сергеев. — Летаёт.

— Летаёт, — повторил Любим. — Как?

— Винты. Воздух.

Любим не понял, но кивнул.

Капитан посмотрел на него, улыбнулся и сказал

- Будет время, как-нибудь полетаем на этой птице. Увидишь свои земли сверху.

Ратибор смотрел на всё без удивления. Только глаза, холодные, внимательные. Он считал, запоминал, оценивал.

— Сколько у вас людей? — спросил он.

— Достаточно, — ответил Сергеев.

— А достаточно, это сколько?

- Двести человек

- Две сотни? Хочешь сказать, что две сотни одолели тридцать тысяч монголов?

- Завтра увидишь сам.

Глава 2. Показательный бой

На рассвете их подняли, и все на грузовиках отправились к месту, где должны были появиться монголы, в пяти километра от форта. Они спустились с грузовиков и поднялись на холм. Пятеро княжеских воинов — Ратибор, Любим, Горазд, Величко и Добрыня — стояли в высокой траве, и ветер шевелил их волосы. Внизу лежала степь, серая, как остывший пепел. Небо было чистым и тихим, обманчиво - мирным.

Корнеев протянул Ратибору бинокль.

— Смотрите. Не отвлекайтесь. Всё, что увидите, расскажете князю.

Ратибор взял бинокль, как берут оружие. Любим дышал часто. Горазд, Величко и Добрыня застыли теньями. Они были воинами. Они видели кровь. Они знали, как умирают люди. Но то, что должно было случиться, не имело имени ни на одном языке, который они знали.

Сначала появилась пыль, далеко, у края неба. Потом из-за холмов выползла конная лава, триста всадников. Монголы шли уверенно, как хозяева степи. Их кони храпели, знамёна хлопали, крики летели над травами. Они не знали, что на них смотрят. Они не знали, что этот рассвет — последний.

Корнеев ждал. Не стрелял. Не отдавал команд. Он стоял неподвижно, и в этой неподвижности было что-то страшнее любого крика.

— Почему не стреляете? — прошептал Любим, и голос его сорвался.

— Пусть подойдут ближе, — ответил Корнеев.

Монголы подошли на пятьсот метров, четыреста, триста. Пятеро на холме уже слышали топот, видели лица, различали блеск сабель. Любим хотел закрыть глаза, но не смог, что-то держало его, что-то сильнее страха.

И вдруг два пулемёта ударили одновременно. Передние всадники рухнули, как снопы. Кони взвились на дыбы. Крики захлебнулись. Степь озарилась короткими вспышками, и каждая вспышка вырывала из темноты чьё-то лицо, чью-то смерть, чей-то последний вздох.

С флангов ударили автоматчики. Очереди были короткими, точными. Каждая — как удар невидимого серпа. Монголы пытались развернуться, но смерть уже шла по их рядам. Она не кричала. Она не разбирала. Она просто шла.

Первые пули вошли в тела почти бесшумно — если не считать влажного хруста костей и глухого шлепка свинца, разрывающего внутренности. Один монгол схватился за живот, но пальцы провалились в горячую кашу, и он рухнул лицом в пыль, даже не успев закричать. Другому снесло полчерепа: мозги, смешанные с осколками кости, брызнули на стоявшего рядом товарища, и тот на миг замер, глядя на серо-розовые комки, стекающие по его доспехам. Третий получил очередь в пах — короткую, экономную, — и его крик захлебнулся собственной кровью, хлынувшей горлом.

Автоматчики не останавливались. Они били по всему, что двигалось: по спинам, по ногам, по головам. Никаких длинных очередей — только короткие, расчётливые нажатия на спуск. Каждая пуля находила цель. Каждая цель превращалась в мешок с дерьмом и кровью, оседающий на землю. Монголы метались, но фланги уже сомкнулись.

А потом пришли вертолёты. Они не спешили. Они зависли над полем, как стервятники, и начали потрошить то, что осталось. Снаряды автоматических пушек рвали землю и тела на куски. Каждый залп — это фонтан грязи, крови и внутренностей. Монголы, ещё живые, пытались бежать, но бежать было некуда. Вертолёты заходили по кругу, методично, как на учениях. Снаряды пробивали спины, отрывали руки, разбрасывали кишки по камням. Потом в дело пошли пулемёты. Они добивали. Пули калибра 12,7 мм не оставляли шансов: они разрывали тела пополам, отбрасывали их на несколько метров, превращали головы в красные облака.

Один монгол попытался спрятаться за перевёрнутым обозом. Вертолёт заметил его. Очередь прошла обоз и тело. Его разорвало на три части. Его внутренности вывалились на землю и дымились на солнце.

Смерть не кричала. Она не разбирала. Она просто шла — по флангам, с неба, с воздуха. Она делала свою работу. И когда вертолёты наконец ушли, на поле остались только трупы, куски трупов и тишина, прерываемая хрипом тех, кому не повезло умереть сразу. Но и их добила, спокойно и без эмоций.

Потому что смерть не кричит. Она просто делает своё дело.

Через минут 15, когда дым развеялся, степь была усеяна трупами и стала красной. И тишина, такая, что слышно было, как стучит кровь в висках, такая, что казалось, сама земля задержала дыхание.

Любим опустил бинокль. Руки его дрожали. Он смотрел на поле и не видел поля. Он видел сказку, страшную сказку, где боги выходят на бой, а смертные падают от одного их взгляда. Он хотел сказать что-то, но слова рассыпались, как пепел.

Ратибор не двигался. Старый воин, прошедший десятки сеч, стоял, как каменный. В его глазах, холодных и внимательных, впервые за многие годы было нечто, чего он сам боялся: изумление. Он видел, как умирают люди. Но он никогда не видел, как смерть приходит без

боя, без крика, без честной стали. Только гром, огонь и пустота. Он смотрел на Корнеева и не мог понять: человек ли он, или, что-то, что лишь притворяется человеком.

Горазд перекрестился. Его губы шевелились, но слов не было. Величко медленно опустился на колени. Не от страха — от того, что ноги отказались держать. Добрыня шептал молитву, которую не помнил. А Любим всё стоял и смотрел, и в его юных глазах отражалось то, что он не забудет до самой смерти.

Они были околдованы. Они попали в древнее сказание, где нет места обычной жизни, где всё — чудо, где всё — ужас, ад, где люди не воюют, а повелевают громами.

Корнеев повернулся к ним. Он стоял спокойно. Слишком спокойно. Как будто сделал не чудо, а обычную работу. И это пугало больше всего.

— Теперь вы видели — сказал он. — Расскажите князю всё как было.

Ратибор молчал долго, потом сказал:

— Мы расскажем.

Он хотел добавить: «Только кто нам поверит?» Но не добавил. Потому что понял: пове-
рят. Не словам. Глазам. А глаза у них теперь были другими. Глазами людей, увидевших небо, которое раскрылось и выпустило смерть.

Любим подошёл к Корнееву. Он хотел спросить: кто ты? Но язык прилип к гортани. Корнеев посмотрел на него. И сказал:

— Я человек. Такой же, как ты. Просто у меня есть то, чего нет у тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.